

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

10 минут 38 секунд
в этом странном мире

Стамбульский бастард

Остров пропавших
деревьев

Элиф
Шафак

УЧЕНИК АРХИТЕКТОРА

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
III 30

Elif Shafak
THE ARCHITECT'S APPRENTICE
Copyright © 2014 by Elif Shafak
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Большелоповой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-21406-4

© Е. Е. Большелопова, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается всем ученикам на свете.
Кто бы мог подумать, что сложнее всего —
научиться любить*

С первого взгляда тебя полюбила
Я силою тысяч сердец.
И пусть утверждают ханжи и святоши,
Будто любить — это грех.
Мне все равно, ну и пусть,
Я готова сгореть в его адском огне...

*Михри-хатун,
турецкая поэтесса XV–XVI веков*

Я обыскала весь мир, но не нашла ничего,
Что любви моей было б достойно,
И потому прогоняют родные меня —
Я чужая среди них...

Мирабай, индийская поэтесса XVI века

Из всех людей, сотворенных Богом и увлекаемых на гибельный путь шайтаном, лишь немногие проникают в центр Мироздания — туда, где не существует добра и зла, прошлого и будущего, где утрачивают смысл слова «я» и «ты». Там не бывает войн, ибо для них не имеется причин. Там царит покой, бескрайний и вечный, как море. Тех, кто попадает туда, настолько потрясает открывшаяся им красота, что они утрачивают способность говорить.

Ангелы, сжалившись над этими людьми, предлагают им выбор. Если человек хочет вернуть себе дар речи, он должен забыть то, что видел, и смириться с чувством утраты, которое навсегда завладеет его сердцем. Но если он не в силах отказаться от воспоминаний о красоте, его одурманенный рассудок уже никогда не сможет отличать реальность от миража. Всякий, кто принадлежит к малой горстке избранных, которые сумели попасть в таинственное место, не обозначенное ни на одной карте мира, расплачивается за это либо чувством неизбывной и невыразимой тоски, либо тщетными поисками ответов на целое сонмище вопросов. Те, кто тоскует по утраченному совершенству, обречены служить любви. Те, кто жаждет знаний, обречены служить науке.

Эту притчу учитель Синан часто повторял нам, четверым своим ученикам. При этом он склонял голову набок и смотрел на нас так пристально, словно пытался проникнуть взглядом в наши души. Я сознавал, что одержим тщеславием, которое отнюдь не пристало простолюдину вроде меня. Но всякий раз, когда учитель начинал говорить, мне казалось, что он прежде всего обращается ко мне, а потом уже — ко

всем остальным. Его взгляд задерживался на моем лице, словно он чего-то ждал от меня. Я неизменно отводил глаза, боясь разочаровать Синана, опасаясь, что не сумею оправдать его ожиданий, хотя никогда так и не сумел понять, в чем же именно эти ожидания заключались. Хотел бы я знать, что учитель видел в моих глазах. Может, предчувствовал, что, несмотря на стремление к знаниям, в котором я превосходил многих, его ученик все-таки не сумеет избежать несчастной любви и окажется в ее власти?

Я был бы счастлив, если бы, оглядываясь на пройденный путь, имел право сказать, что обрел знания о любви, равные моей любви к знаниям. Но это будет ложь, а тот, кто лжет сегодня, завтра может оказаться в кипящих котлах ада. Теперь, когда я стар, словно засохший дуб, я явственно ощущаю, что завтрашний день уже стоит на моем пороге, и никто не убедит меня в обратном.

Нас было шестеро: учитель, четверо учеников и белый слон. Мы всегда работали вместе. Возводили мечети, мосты, медресе, караван-сарай, приюты для бедных, акведуки... Это было так давно, что моя память сглаживает острые углы, расплавляя воспоминания в жидкую боль. Всякий раз, когда я возвращаюсь в те дни, в сознании моем всплывают призраки, казалось бы навсегда утопленные в пучине памяти. Меня мучает чувство стыда, ибо я не помню их лиц, и я пытаюсь утопить эти призраки вновь. Однако я помню обещания, которые мы давали друг другу, но так и не исполнили. Я помню слова, которые мы проносили при этом, все до единого. Удивительно, что лица, эта плотная и видимая субстанция, растворились в небытии, тогда как слова, эфемерные и неосязаемые, остались.

Все мои прежние спутники, один за другим, уже покинули этот мир. Почему из всех нас лишь я один дожил до столь преклонных лет, известно только Богу. Каждый день я мысленно возвращаюсь в Стамбул.

УЧЕНИК АРХИТЕКТОРА

Представляю, как верующие входят во дворы построенных нами мечетей. Эти люди ничего не знают о нас, ровным счетом ничего. Наверное, они считают, что мечети, в которых они молятся, стоят здесь со времен Великого потопа. Но это не так. Их возвели мы: мусульмане и христиане, ремесленники и галерные рабы, люди и животные. Нам потребовалось много дней, чтобы их построить. Но Стамбул — это город с короткой памятью. Город, где воспоминания исчезают так быстро, словно они записаны на прибрежном песке. Лишь созданиям моего учителя уготована иная участь, ведь он творил из камня.

Под одним из камней я похоронил свою тайну. Мое время на исходе, но тайна по-прежнему ждет своего часа. Интересно, будет ли она когда-нибудь раскрыта? А если она станет известна людям, то сумеют ли они понять ее? Сие не ведомо никому. Но я знаю наверняка: в основании одного из сотен зданий, возведенных моим учителем, скрывается центр Мироздания.

Агра, Индия, 1632 год

Стамбул, 22 декабря 1574 года

Уже перевалило за полночь, когда из темноты вдруг донесся яростный рык. Он сразу понял, кто это: проснулась самая большая кошка во дворце султана — каспийский тигр, огромный зверь с янтарными глазами и золотистой шкурой.

«Кто же посмел нарушить покой тигра? — с недоумением подумал он. — В столь поздний час все должны спать: люди, животные, джинны. В этом городе, раскинувшемся на семи холмах, помимо стражников ночного дозора, сейчас бодрствуют только два ряда людей: предающиеся молитве и предающиеся греху».

Впрочем, сам Джахан тоже не спал — он работал.

— Для таких, как мы, труд подобен молитве, — частенько говаривал его учитель. — Работая, мы беседуем с Богом.

— Но почему же Он не отвечает нам? — спросил Джахан как-то раз, когда был еще совсем юным.

— Господь отвечает. Его ответ — новая работа, которую Он посылает нам, — пояснил наставник.

Коли так, рассудил тогда Джахан, ему самому удалось достичь весьма прочной связи с Всевышним: ведь у него было не одно, а целых два занятия (пусть и совершенно не схожих между собой), и, стало быть, работать ему тоже приходилось в два раза больше: он трудился как погонщик слона и как рисовальщик на строительстве. И вообще, ему несказанно повезло, ибо в его жизни был учитель, которому Джахан платил дань уважения и восхищения. Учитель, которого он втайне мечтал превзойти. Звали этого человека

Синан, он занимал должность главного придворного строителя и был воистину великим архитектором.

У Синана имелось великое множество помощников и последователей, сотни человек мечтали научиться у него мастерству. Тем не менее лишь четверых на всем белом свете он называл своими учениками. Джахан был горд тем, что принадлежит к их числу, очень горд, но в глубине души порой ощущал нечто вроде смущения. Много лет тому назад учитель сам выбрал его — простого парнишку, занимающего более чем скромное положение погонщика слона. Предпочел его, хотя школу Синана, расположенную при дворце султана, посещало немало одаренных молодых людей. Высокая честь, оказанная учителем, не только льстила самолюбию Джахана, но и наполняла его сердце тревогой. Вот уже который год его преследовал страх разочаровать единственного человека на свете, который в него поверил, и избавиться от этого страха было выше его сил.

Последним заданием, которое получил Джахан, было сделать проект хаммама — турецкой бани. Учитель, по обыкновению, дал ему ясные и четкие указания: огромная мраморная купальня, подогреваемая снизу; дымоходы, скрытые в стенах; высокий купол, опирающийся на мощные колонны; две двери, ведущие на разные улицы, дабы мужчины и женщины не встречались друг с другом. В ту зловещую ночь Джахан работал над чертежами, сидя за грубо сколоченным столом в своей каморке, которая прилегалась к придворному зверинцу.

Откинувшись назад и сдвинув брови, Джахан принялся рассматривать свой чертеж. Сделано топорно, без всякой гармонии и изящества, решил он. Как всегда, самым трудным для него оказался купол. Джахану перевалило за сорок — в этом возрасте Мухаммед уже стал пророком, — и он достиг немалого мастерства. Однако был по-прежнему убежден, что вырыть котлован под фундамент голыми руками намного про-

ще, чем рассчитать высоту потолков и толщину перекрытий. О, если бы только можно было обойтись без балок и крыш, если бы люди могли жить в домах, где крышей служит небо, самим смотреть на звезды и позволять звездам смотреть на них!

Расстроенный и недовольный собой, Джахан принялся за новый чертеж — бумагу он украдкой таскал у дворцовых писцов, — когда до него вновь донесся рев тигра. словно пронзенный этим грозным звуком насквозь, Джахан замер, прислушиваясь. То был предупреждающий рык, от которого кровь стыла в жилах. Зверь давал врагу понять, что приближаться не стоит.

Джахан тихонько приоткрыл дверь и встал на пороге, вглядываясь во тьму. В тишине вновь раздался звериный рык, не такой громкий, как раньше, но по-прежнему угрожающий. Все прочие обитатели зверинца тоже пришли в возбуждение: затрещал попугай, затрубил носорог, сердито заворчал медведь. Рыку льва вторило злобное шипение леопарда. Кролики безостановочно барабанили по земле лапками — верный признак того, что они напуганы. Обезьян в зверинце было всего пять, но можно было подумать, что их целая стая — такую они подняли возню и визг. Лошади ржали и били копытами в своих стойлах. В этой какофонии звуков Джахан различил рев слона: короткий, какой-то вялый, словно гиганту не хотелось участвовать во всеобщей суматохе. Так или иначе, необходимо было выяснить, что встревожило животных. Джахан накинул плащ, взял масляный светильник и вышел во двор.

Свежий прохладный воздух был пронизан пьянящим ароматом зимних цветов и диких трав. Едва сделав пару шагов, Джахан увидел нескольких работников зверинца: сгрудившись под деревом, они испуганно перешептывались. Заметив Джахана, все выжидающе уставились на него. Но тот не мог ничего объяснить своим товарищам, а лишь сам задал вопрос:

— Что происходит?

— Звери чем-то сильно испуганы, — ответил Дара, работник, который ухаживал за жирафом. В голове его звучало беспокойство.

— Наверное, поблизости бродит волк, — предположил Джахан.

Прежде такое уже случалось. Два года назад зима выдалась настолько холодной, что волки забегали в город и бродили по улицам, не делая различий между еврейскими, мусульманскими и христианскими кварталами. Нескольким волкам неведомо как удалось пробраться за ограду султанского дворца. Оголодавшие хищники набросились на уток, лебедей и павлинов, гулявших по двору, и разорвали в клочья нескольких птиц. Потом слугам еще долго приходилось убирать окровавленные перья, валявшиеся на земле и висевшие на ветках кустов и деревьев. Теперь тоже стояла зима, но спокойная и мягкая — ни снега, ни холодов. И причина иступления, в которое пришли обитатели зверинца, скорее всего, скрывалась во дворце.

— Надо проверить все закоулки, — сказал Олев, укротитель львов, здоровенный детина с огненно-рыжими волосами и усами такого же оттенка.

Решительный и смелый, Олев не боялся брать на себя ответственность и всегда знал, как поступить. Авторитет его среди прочих слуг был непререкаемым. Да что там слуги, сам султан поневоле испытывал восхищение человеком, который умел повелевать львами.

Разойдясь в разные стороны, работники зверинца принялись осматривать загоны, стойла и клетки, проверяя, не убежал ли кто-нибудь из их подопечных. Но все животные были на месте: львы и обезьяны, гиены и рыси, олени и газели, лисы и горностаи, горные козлы и дикие кошки, гигантские черепахи и крокодилы, страусы и гуси, ящерицы и змеи, кролики и дикобразы, а также леопард, зебра, жираф, тигр и слон.

Подойдя к загону, где жил Чота — тридцатипятилетний азиатский слон-самец необычного белого

окраса, шести локтей ростом, — Джахан обнаружил, что его питомец беспокойно переминается с ноги на ногу. Огромные уши слона были настороженно наставлены по ветру, словно паруса.

Погонщик улыбнулся гиганту, чьи привычки знал как свои собственные:

— Что случилось, Чота? Ты чувствуешь опасность?

Джахан успокоительно похлопал слона по боку и протянул ему горсть миндальных орехов, которые всегда носил в сумке.

Чота никогда не отказывался от угощения. И сейчас он, не сводя взгляда с ворот, сгреб орехи хоботом и ловко забросил их в пасть. Проглотил и снова замер, упершись в землю своими чувствительными подошвами и насторожив огромные уши.

— Не волнуйся, все хорошо, — попытался успокоить своего любимца Джахан.

Он сам не верил в то, что говорил. И слон не верил тоже.

Вернувшись назад, погонщик увидел Олева, который убеждал остальных работников зверинца успокоиться и разойтись.

— Мы же всё осмотрели! Никаких причин для беспокойства нет: все звери на месте, клетки целы!

— Но животные волнуются... — возразил кто-то.

Олев указал на Джахана:

— Индус прав. Наверное, поблизости бродил волк. А может, шакал. Так или иначе, сейчас хищник ушел. Волноваться не о чем. Идем спать.

На этот раз никто не стал возражать. Покачивая головой и что-то бормоча, люди разбрелись по своим каморкам, где их ждали соломенные тюфяки. Эти жесткие, колючие лежа, полные блох и вшей, казались работникам зверинца теплыми и уютными, ведь ничего лучшего они не знали. Лишь Джахан замешкался во дворе.

— Эй, погонщик слона, а ты почему не идешь спать? — окликнул его Като, смотревший за крокодилами.

— Погожу маленько, — ответил Джахан, устремив взгляд в сторону внутреннего двора. Он только что уловил странный приглушенный звук, долетевший оттуда.

Вместо того чтобы свернуть налево, к сараю, сложенному из камней и бревен, Джахан двинулся вправо, к высокой стене, разделявшей двор надвое. Он шел медленно и осторожно, словно раздумывая, не стоит ли ему вернуться в каморку, к своим чертежам и рисункам. Дойдя до куста сирени, который рос в дальнем конце двора, он различил какую-то тень. Смутная и колеблющаяся, тень эта настолько напоминала призрак, что Джахан уже готов был броситься наутек. Но тут призрак повернулся к нему лицом, и Джахан увидел, что это Тарас Сибиряк. Тарас, человек, который за свою долгую жизнь, казалось, перенес все мыслимые недуги и несчастья, служил в зверинце дольше всех прочих. На его веку сменилось несколько султанов. Он видел, как вельможи, обладающие силой и властью, низвергаются в пучину унижений. Видел, как головы, увенчанные роскошными тюрбанами, валяются в грязи.

— Лишь две вещи в этой жизни остаются неизменными и постоянными, — шутили работники, — Тарас Сибиряк и несчастная любовь. Все остальное преходяще...

— Это ты, индус? — спросил Тарас. — Животные проснулись, да?

— Да, — откликнулся Джахан. — Ты слышал шум?

Старик издал какое-то бурчание, которое с одинаковым успехом можно было расценить и как утвердительный, и как отрицательный ответ.

— Шум доносился из-за стены, — настаивал Джахан.

Вытянув шею, он пристально смотрел на стену, возвышавшуюся перед ним, сплошную и высокую, цвета оникса. В эту минуту ему почудилось, что в ноч-

ном сумраке скрываются духи, испускающие жалобные стоны. Он даже слегка вздрогнул.

Внезапно воздух задрожал от грохота, за которым последовал топот множества ног, словно бежала огромная толпа. Из глубин дворца долетел женский крик, такой пронзительный, что казался нечеловеческим. Оборвавшись, крик сменился рыданиями. А потом, так же внезапно, воцарилась тишина. Повинуясь порыву, Джахан сделал движение в сторону стены.

— Эй, ты куда? — прошептал Тарас. Глаза его поблескивали от страха. — Это же запрещено.

— Я хочу узнать, что происходит, — пояснил Джахан.

— Не высовывайся, — отрезал старик.

Джахан на мгновение замешкался.

— Я погляжу, что там творится, и сразу вернусь, — решил он.

— Любопытство до добра не доводит, — вздохнул старик. — Но ты, как я вижу, глух к доводам разума. По крайней мере, не уходи далеко. Оставайся в саду, у самой стены. Понял?

— Не переживай, Тарас. Я буду осторожен и незаметен, как ночная птица.

— Я тебя подожду. Не стану ложиться, пока ты не вернешься. Расскажешь, что видел.

— Любопытство до добра не доводит. Но ты, как я вижу, глух к доводам разума, — ухмыльнулся Джахан.

Не так давно Джахан вместе с учителем работал над перестройкой дворцовой кухни. Они расширили также покои, занимаемые султанским гаремом. То была насущная необходимость, так как число его обитательниц за последние годы изрядно выросло. Строителям запрещалось пользоваться главными воротами, и они проделали в стене отверстие, через которое попадали во дворец кратчайшим путем. Закончив работы, они заделали лаз необожженными кирпичами, скрепив их глиной.

Подсвечивая себе масляной лампой, Джахан двинулся вдоль стены, постукивая по ней палкой. Некоторое время он слышал лишь ровный глухой звук. Но вот звук этот стал более звонким. Джахан остановился и изо всех сил ударил стену ногой. За первым ударом последовал второй, потом третий. Наконец несколько кирпичей вылетели. Джахан поставил лампу на землю, рассчитывая забрать ее на обратном пути, опустился на четвереньки и протиснулся в отверстие.

Серебристый лунный свет заливал огромный розарий, сейчас, в зимнюю пору, более похожий на кладбище роз. Голые ветви кустов, весной и летом сплошь усыпанные красными, розовыми и желтыми цветами, ныне казались унылыми и жалкими. Сердце у Джахана колотилось так быстро и громко, что он боялся, вдруг кто-нибудь услышит его стук. Он припомнил истории об отравленных евухах и задушенных наложницах, страшные рассказы об обезглавленных визирях и шевелящихся мешках, сброшенных в Босфорский пролив, и по спине у него пробежал холодок. В этом городе было два кладбища: одно раскинулось на холмах, а другое, куда более обширное, скрывалось в море.

Перед ним возвышалось вечнозеленое дерево, на ветвях которого пестрели бесчисленные ленты, шарфы, цепочки, обрывки тесьмы и кружев, — так называемое Древо желаний. Всякий раз, когда у какой-нибудь наложницы из гарема появлялась тайна, которую она не могла доверить никому, кроме Бога, она просила евуха прийти к этому дереву и привязать к его ветке какую-нибудь принадлежавшую ей безделицу. Евух выполнял просьбу, и на дереве появлялось очередное украшение. Дерево было сплошь увешано секретными мечтами и просьбами, между которыми, по всей вероятности, происходили безмолвные споры и склоки — ведь желания одной женщины зачастую противоречат желаниям другой. Но сейчас, когда украшенные ленточками ветви слегка шевелил

ветерок, дерево выглядело спокойным и безмятежным. Таким безмятежным, что Джахан не смог воспротивиться порыву подойти к нему, забыв, что обещал Тарасу не отходить от стены.

Всего десятка три шагов отделяли нашего героя от каменного здания, стоявшего в глубине двора. Укрывшись за стволом Древа желаний, Джахан оглядывался по сторонам, готовый в любую минуту броситься наутек.

Около дюжины глухонемых слуг сновало туда-сюда, появляясь то из одной, то из другой двери здания. Некоторые тащили мешки. Факелы, которые они держали в руках, разрезали темноту янтарными всполохами, и всякий раз, когда отсветы двух факелов скрепчивались, тени на стене становились длиннее.

По-прежнему недоумевая, Джахан оставил свое укрытие и двинулся к дому, намереваясь обойти его сзади. Он двигался бесшумно и был почти столь же незаметен, как и воздух, которым дышал. Сделав полукруг, он оказался у задней двери. Как ни странно, она никем не охранялась. Не рассуждая, Джахан проскользнул в дом. Он знал: стоит только задуматься о возможных последствиях этого поступка — и страх скует его по рукам и ногам, лишив возможности действовать.

Внутри было холодно и сыро. Передвигаться в темноте приходилось почти ощупью. Джахан не останавливался, хотя по коже у него бегали мурашки, а волосы стояли дыбом. Сожалеть о содеянном было слишком поздно. Путь назад был отрезан, а значит, приходилось идти вперед. Скользя вдоль стен и тяжело дыша, он добрался до слабо освещенной комнаты и осмотрелся по сторонам. Столики с перламутровыми инкрустациями, на которых стоят стеклянные бокалы; диваны, заваленные подушками; зеркала в позолоченных резных рамах; гобелены, закрывающие стены от пола до потолка. А на полу — несколько туго набитых мешков, вроде тех, что таскали глухонемые.

Настороженно оглядываясь, Джахан сделал еще несколько шагов. Вдруг взгляд его выхватил нечто такое, от чего кровь мгновенно застыла в жилах, — человеческую руку, которая безвольно лежала на мраморном полу, словно мертвая птица. И тогда Джахан, увлекаемый какой-то неодолимой силой, принялся развязывать мешки один за другим. При этом он невольно жмурил глаза, словно отказываясь видеть то, что открывалось его взору. Кисти рук, плечи, головы. В каждом мешке было мертвое тело. Труп ребенка.

Их было четверо. Все мальчики. Они лежали рядом, словно выстроившись по росту — от самого высокого к самому маленькому. Старший — уже подросток, младший — еще грудной младенец. Богатые одеяния нигде не порваны и не измяты, дабы сыновья султана и после смерти сохранили свое достоинство. Взгляд Джахана упал на ближайший мешок — труп мальчика с нежной светлой кожей и золотистыми волосами. Он уставился на линии его открытой ладони — четко прочерченные, извилистые, переплетавшиеся друг с другом.

«Наверное, ни один предсказатель судьбы, которых так много в этом городе, не мог предвидеть, что высокородного отпрыска ожидает столь ранняя и печальная смерть», — подумал Джахан.

Казалось, мальчики не мертвы, а просто спят. Кожа их еще испускала свет жизни. Джахан не мог избавиться от ощущения, что они живы. Да, эти дети перестали двигаться, перестали говорить, но они не умерли. Состояние, в котором они пребывают ныне, недоступно человеческому пониманию. Но, должно быть, это приятное состояние, ведь на их губах застыло подобие улыбки.

С ног до головы сотрясаемый мелкой дрожью, Джахан стоял над трупами. Он не мог пошевелиться, и лишь звук приближающихся шагов вывел беднягу из оцепенения. Кое-как затянув мешки, он метнулся к стене и спрятался за портьерами. Несколько мгно-

вений спустя в комнату вошли глухонемые слуги. Они несли еще один мешок, который осторожно положили рядом с остальными.

Тут один из них заметил, что ближайший к нему мешок развязан. Глухонемой растерянно замычал. Слуга не мог понять, сам ли он совершил оплошность или же в комнату тайно проник непрошенный гость. Его товарищи уже собирались уходить, но, остановленные тревожным сигналом, принялись обыскивать комнату.

Джахан сжался в углу ни жив ни мертв. Только тонкая ткань гобелена отделяла его от убийц. От ужаса у него перехватило дыхание. Вот и настал последний миг, пронеслось у него в голове. Сейчас будет оборвана нить его жизни. Жизни, в которой было слишком много лжи и обмана. Неожиданно Джахан вспомнил о лампе, которую оставил у стены. Наверное, огонек этой лампы до сих пор мерцает в темноте. Мысль о двух дорогих существах, с которыми он расставался, — учителе и огромном белом слоне, — заставила его сердце сжаться от боли. Наверняка и тот и другой сейчас безмятежно спят. А потом Джахан подумал о женщине, которую любил. В этот глухой ночной час она тоже крепко спит и не знает, что он по собственной воле устремился навстречу смерти, проникнув туда, где ему не полагалось быть, и увидев то, чего ему не следовало видеть. А виной всему проклятое любопытство, неумное любопытство, всю жизнь заставлявшее его искать на свою голову неприятности. Джахан выругался, не разжимая губ. Сам виноват. На его могиле следует написать:

*Здесь лежит человек, который плохо кончил,
ибо любил совать нос в чужие дела.
Погонщик слонов и ученик архитектора.
Помолитесь о его неприкаянной душе.*

Как жаль, что ему некому продиктовать эту эпитафию.

Той же ночью в одном из домов на другом конце Стамбула кахья¹ не спала, предаваясь молитве. Она перебирала четки, и деревянные бусины глухо постукивали. Щеки ее были морщинистыми, как сухой инжир, спина согнулась, а зрение ослабло от старости. Но когда дело касалось хозяйства, вверенного ее попечению, взор кахьи по-прежнему был острым и наблюдательным. От внимания старой женщины не ускользало ничто: ни разошедшаяся половица, ни скрипучая дверная петля, ни расшатавшийся крючок. Ни один из обитателей этого дома не знал его так хорошо, как знала кахья. Никто из слуг, здесь работавших, не мог сравниться с ней в преданности своему хозяину и повелителю. В этом она даже не сомневалась.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь храпом, доносившимся из комнаты слуг. Иногда старухе удавалось различить едва слышное дыхание, долетавшее из-за закрытых дверей библиотеки. Там спал Синан. Минувшим вечером он опять работал допоздна. Как правило, он проводил вечера с семьей, перед ужином удаляясь в гаремлик², где жили его жена и дочери и куда вход ученикам был заказан. Но нередко случалось, что после ужина Синан вновь возвращался к своим чертежам и эскизам и засыпал в библиотеке, среди книг и свитков. Там, в библиотеке, самой про-

---

¹ *Кахья* — домоправительница. — *Здесь и далее примеч. автора, кроме особо оговоренных случаев.*

² *Гаремлик* — в Турции часть дома, где живут жены, дети и слуги правоверного мусульманина. — *Примеч. перев.*

сторной и солнечной комнате в доме, кахья готовила ему постель, расстилая на ковре тюфяк.

Хозяин работал без устали, хотя ему уже исполнилось восемьдесят пять лет. В столь преклонном возрасте человеку следует предаваться отдыху, баловать себя изысканными яствами и проводить время в обществе тех, кто дорог его сердцу, то есть детей и внуков. А тому, чьи ноги еще сохранили силу, следует совершить паломничество в Мекку. Если смерть настигнет старика в пути, это будет величайшим благом для его души. Почему же хозяин не думает о том, чтобы подготовиться к переходу в мир иной? Зачем он по-прежнему пропадает на строительстве, где его дорогую одежду покрывают грязь и пыль? Старая служанка очень сердилась и на своего господина, не желавшего заботиться о себе должным образом, и на султана и его визирей, нагружавших ее хозяина непосильной работой, и на учеников Синана, не способных облегчить груз, лежавший на плечах учителя. Ох, до чего же ленивы все эти юнцы! Хотя юнцами их уже никак не назовешь. Этих четверых кахья знала много лет, еще с тех пор, когда они были робкими, невежественными новичками. Николу, самого старательного и самого застенчивого из всех. Давуда, горевшего желанием учиться, но слишком уж нетерпеливого. Юсуфа, молчаливого и полного тайн, словно глухой, непроходимый лес. И наконец, индуса Джахана, который вечно задавал слишком много вопросов, но не давал себе труда выслушать ответы.

Кажья молилась и предавалась размышлениям; видения, долетавшие из прошлого, скользили перед ее глазами. Но вот ее скрюченные пальцы, перебиравшие янтарные бусины, замедлили движение, шепот «Хвала Аллаху» умолк, голова склонилась на грудь, и из приоткрытого рта вырвалось мерное похрапывание.

Старая служанка не могла сказать, когда — через минуту или через час — она проснулась, потревожен-

ная каким-то отдаленным шумом. Топот копыт, грохот колес по булыжной мостовой. Судя по всему, по улице во весь опор мчалась карета. Дом Синана был единственным в глухом переулке, кончавшемся тупиком. Если карета свернет за угол, значит это точно к ним. Кахья вздрогнула, почувствовав, как по спине у нее пробежали мурашки.

Бормоча молитву, отгоняющую злых духов, старуха поднялась с неожиданным для ее возраста проворством. Осторожно спустилась по лестнице, миновала темный коридор и вышла в сад. Этот чудесный благоуханный сад, разделенный на террасы и украшенный прудом, радовал взоры и души всех гостей Синана. Хозяин сам устроил его. Для того чтобы провести в дом воду, ему потребовалось особое разрешение султана. Синан получил это разрешение, вызвав у своих врагов очередной приступ зависти и злобы. Сейчас водяное колесо мерно кружилось, спокойное бульканье воды навевало умиротворение и безмятежность — чувства, столь редкие в этом мире.

Серебряный серп луны скрылся за тучей, и на несколько мгновений земля и небо слились в непроницаемом сером сумраке. На террасе справа раскинулась небольшая рощица, а внизу — бостан, где росли целебные травы и овощи. Но служанка пошла по другой тропе, ведущей во внутренний двор. Там находился колодец, в котором вода оставалась ледяной даже в самые жаркие летние месяцы. В дальнем углу располагались нужники, в сторону которых старуха бросила опасливый взгляд. По ночам джинны справляют там свои свадьбы, а всякого, кто дерзнет потревожить их покой, ожидают неисчислимые бедствия и несчастья, причем проклятие падет не только на его голову, но и на головы всех его потомков до седьмого колена. Так что после наступления сумерек кахья обходила нужник стороной. Впрочем, пользоваться ночным горшком ей тоже не нравилось, поэтому вечерами

бедняжка отказывалась от еды и питья, дабы держать свое тело в узде.

Наконец она подошла к воротам, ведущим на улицу. Старая служанка твердо знала, от кого в этой жизни можно ожидать всяческих неприятностей: от мужчины, продавшего душу шайтану, от женщины, гордящейся своей красотой, от вестника, который прибывает посреди ночи.

Карета остановилась за оградой. Лошадь фыркнула. Раздались тяжелые шаги. Старуха уловила запах пота, не то лошадиного, не то человеческого. Кем бы ни был незваный гость, кахья вовсе не спешила выяснить, какая неотложная надобность привела его в дом хозяина. Прежде она должна была семь раз прочитать суру аль-Фалак (Рассвет): «Прибегаю к защите господина Рассвета, от зла того, что Он сотворил, от зла мрака, когда он наступает, от зла колдуний, дующих на узлы, от зла завистника, когда он завидует».

Все то время, пока кахья читала суру, гонец тихонько стучал в ворота. Вежливый, но настойчивый, отметила про себя старуха. Оставаясь безответным, стук набирал силу и вскоре перерос в оглушительный грохот. Разбуженные слуги, на ходу набрасывая одежду, выбегали в сад со светильниками в руках. Понимая, что медлить более нельзя, кахья пробормотала: «Аллах великодушный и милостивый» — и отодвинула засов.

В это мгновение месяц выскользнул из-за тучи, давая старой служанке возможность разглядеть незнакомца. Низкорослый, широкоплечий, приземистый. Судя по разрезу глаз, татарин. На плече висит кожаная фляга. В осанке чувствуется надменность. Мужчина нахмурился, явно раздраженный тем, что на него уставилось столько глаз.

— Меня прислали из дворца, — произнес он чрезмерно громким голосом.

Содержание

ДО ВСТРЕЧИ С УЧИТЕЛЕМ	35
УЧИТЕЛЬ	125
КУПОЛ	269
ПОСЛЕ УЧИТЕЛЯ	503
От автора	633
Благодарности	636

Шафак Э.

Ш 30 Ученик архитектора : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ. Е. Большелавовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-21406-4

XVI век. Османская империя. Эпоха Сулеймана Великолепного.

Волею судьбы двенадцатилетний Джахан и его подопечный, белый слоненок по кличке Чота, оказываются в Стамбуле, при дворе могущественного султана. Здесь Джахану суждено пережить множество удивительных приключений, обрести друзей, встретить любовь и стать учеником выдающегося зодчего — архитектора Синана.

Удивительный рассказ о свободе творчества, о схватке между наукой и фанатизмом, о столкновении любви и верности с грубой силой.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК
УЧЕНИК АРХИТЕКТОРА

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректор Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.07.2022. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 31,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AVA-30350-01-R